

УДК 346.5

DOI: 10.24412/1998-5533-2025-2-178-181

Развитие теоретических подходов к регулированию цифровых экосистем и платформ в зарубежной правовой науке

Коротенко А. Ф.Аспирант кафедры гражданского и предпринимательского права
Университета управления «ТИСБИ» (Казань)

В статье прослеживаются тенденции развития правовой теории в зарубежных учениях о цифровых экосистемах и платформах, как сравнительно новых объектах правового регулирования. Автор акцентировал внимание на сопоставлении реалистической и социологической концепции правопонимания, основанных на разном порядке формирования правовых регуляторов в цифровой среде. В результате сформулирован вывод о фрагментарном понимании рассматриваемых терминов в силу их сложности и технологического разнообразия, построенного на элементах саморегуляции. Главенствующими методами научного исследования стали сравнительный и формально-логический методы, а также некоторые методологические направления социологической школы права в цивилистике (инструментализм, антропологический подход, праксеологическая теория). В комплексе данные методы способствовали выявлению особенностей развития зарубежной научной мысли. Автор полагает обоснованным вывод о том, что первоначальная акцентуация на саморегуляцию цифровой среды сменилась на возрастающую роль корпоративного и государственного регулирования, призванных достичь общественно полезных результатов. Это подтверждается эволюцией теории правового инструментализма, юридико-праксеологического и юридико-антропологического подходов.

Ключевые слова: теория права, цивилистика, философия права, цифровая экосистема, цифровая платформа, цифровое право, цифровые правоотношения

Для цитирования: Коротенко А. Ф. Развитие теоретических подходов к регулированию цифровых экосистем и платформ в зарубежной правовой науке // Вестник экономики, права и социологии. 2025. № 2. С. 178–181. DOI: 10.24412/1998-5533-2025-2-178-181.

Цифровизация различных общественных отношений, опосредующих современный гражданский оборот, предопределяет не только трансформацию соответствующих социальных регуляторов, но и появление многообразных правовых новаций, призванных обеспечить правопорядок. В свою очередь, потребность в регуляции цифровых форм гражданских правоотношений продиктована активизацией конфликтной среды, которая неизбежно сопровождает участников рынка при совершении сделок, иных юридических действий, влекущих гражданско-правовые последствия.

Несмотря на сохранение большинства проблем, вытекающих из экономической деятельности, цифровизация позволяет как экстраполировать некоторые из них, так и провоцировать качественно новые негативные явления и процессы. Так, цифровые технологии, обладая такими неоспоримыми преимуществами, как «передача сигнала без помех, высокая скорость обработки данных, удалённое обновление систем, непрерывная коммуникация, доступ к разным источникам информации и автоматизация процессов, вместе с тем при использовании отдельных систем искусственного интеллекта генерируют

экзистенциальный риск» [1]. Аналогичным образом возникает положительная динамика в достижении определённых задач. Наглядным примером названных тенденций служат цифровые экосистемы и платформы, получившие стремительное развитие за последнее десятилетие и приобретшие очевидные глобализованные формы, которые приводят к необходимости их международно-правового признания с целью консолидировать функции государств по регулированию отношений в цифровой среде, а в определённом смысле – гармонизировать и унифицировать нормативно-правовые механизмы воздействия на них.

Отмеченные объективные факторы, ускоряющие развитие экономических связей в современном обществе, активно исследуются в юридических науках. Помимо сугубо прикладных направлений, продуцирующих знания о новых явлениях и процессах, вызванных оппортунизмом цифровых экосистем и платформ, в юриспруденции формируются фундаментальные теоретические подходы, которые способствуют осмыслению содержательных особенностей цифровых правоотношений. Впрочем, развитие теоретико-правовых учений в данной области значительным образом отстаёт от научных наработок отраслевого характера, что сказывается на их фрагментарности и внутренней противоречивости.

Между тем сложная система отношений, складывающихся в форме цифровых платформ, не может быть объяснена классическими правовыми теориями, которые сложились за прошлые столетия. Например, реалистическая школа права, несмотря на свою максимальную близость к рассматриваемым правовым явлениям и процессам, сужается лишь до особенностей правоприменения в цифровой среде [2, р. 776; 3, р. 81]. При этом реализация правовых предписаний предполагает наличие их нормативно-правовых или индивидуально-правовых элементов, которые в большинстве случаев выводятся из общих правовых конструкций (принципов права, содержания субъективных прав и свобод, юридических гарантий, запретов, дозволений, пределов правового регулирования и мн. др.) [4, р. 906]. Тем самым возможность суда или иного правоприменительного института по регуляции деятельности цифровых экосистем и платформ сегодня значительно сужена, что снижает потенциал реалистической концепции в осмыслении изучаемых цифровых объектов и средств.

Напротив, социологическая теория права в методологическом выражении способна обосновать любые изменения и новшества, связанные с регулированием общественных отношений, в том числе приобретающих цифровой формат [5; 6]. Базируясь на вариативности социума в определённый период развития, сторонники данного концептуального

подхода рассматривают цифровые экосистемы и платформы в качестве конкретного вида правоотношений, сформировавшегося в определённой сфере коллективного общения больших и малых групп людей (т.н. «цифровые группы» – «*digital tribe*»), ограниченного виртуальным пространством [7, р. 41].

Вместе с тем социологическая школа права на современном этапе лишь фиксирует видимые массовые социальные проявления цифровизации вне зависимости от их полезности или вредности. Поэтому в социологическом выражении регуляции подвергается не сама цифровая среда, а повторяющееся поведение людей во взаимодействии друг с другом, что оставляет за пределами значимости такие категории, как субъективные интересы, ценности, регулирующий эффект, практическая целесообразность и т.д. Такая особенность объясняет хронологическое отставание комплексных юридико-социологических концепций от специальных научных направлений, построенных на исследовании отдельных правоотношений, возникающих по поводу цифровых экосистем и платформ.

В частности, в зарубежной литературе исторически первыми попытками осмыслить построение правоотношений в цифровой среде стали труды сторонников антропологического подхода в юриспруденции, которые совместили терминологию естественных наук (природная экосистема) с кибернетическим направлением [8]. Опираясь исключительно на синергетический эффект от совместных усилий определённых участников виртуального пространства, учёные вывели ряд закономерностей, свойственных развитию цифровых экосистем: устойчивость к внутренним и внешним факторам, высокая самоорганизация, искусственная масштабируемость [9, р. 86; 10, р. 350].

В то же время синергетика в юридических науках не является каким-либо самостоятельным методологическим подходом, поскольку адаптируется исследователями применительно к отдельно взятому правовому явлению или процессу. В полной мере такую тенденцию можно наблюдать на примере научного осмысления цифровых экосистем и платформ, выступающих своеобразными адаптивными инструментами общения людей, которые вне зависимости от массового распространения неизбежно сталкиваются с потребностью в установлении определённых нормативных рамок [11, Р. 381].

В более общем виде отождествление цифровых экосистем и платформ с некими средствами построения взаимоотношений между людьми, в том числе ориентированных на достижение экономических результатов, прослеживается в теории правового инструментализма. Её сторонники разделяют цифровое общение на конвенциональное и неконвенциональное по критерию правового вмешательства

[12, р. 88]. Исходя из этого, в нормативно-правовом выражении цифровая экосистема представляет собой совокупность информационных коммуникаций, выстроенных в определённой иерархии для использования цифровых ресурсов [13, р. 1033]. Тем самым значение приобретают не цифровые правоотношения, а правовые средства их проектирования, позволяющие достичь либо заложенный законодателем правопорядок, либо цели индивидуально-правового регулирования, либо способы саморегуляции.

Получение определённого эффекта от регулирования отношений, складывающихся в рамках цифровых экосистем и платформ, вкладывается в более поздних исследованиях в праксеологическую трактовку, основанную на оценке практического влияния совокупной человеческой деятельности, прежде всего, на повторяемость (цикличность) правоотношений и на выработку норм, соответствующих потребностям непосредственных участников цифровой среды [14; 15]. В таком ракурсе цифровая экосистема состоит из множества технологий и программных решений, использование которых выгодно большому количеству людей для удовлетворения жизненных потребностей и реализации профессиональных задач [16; 17].

Различие между праксеологическим (практико-деятельным) и антропологическим подходами применительно к регулированию цифровых экосистем и платформ заключается в соотношении общей цели с индивидуальной или коллективной мотивацией участников:

1) в праксеологической плоскости такая цель формируется последовательно из множества значимых действий (например, извлечение коммерческой выгоды, накопление и передача профессиональных знаний, ускорение обмена информацией и др.);

2) в антропологическом выражении цель может отсутствовать или задаваться существующими правовыми рамками, а её изменение неизбежно приводит к усложнению норм и стиранию границ между нормативно-правовым и индивидуально-правовым регулированием.

Таким образом, в зарубежной доктрине прослеживается фрагментарное развитие теоретических подходов к пониманию цифровых экосистем и платформ по критерию целей, средств, механизмов и форм регулирования отношений в сложившихся правовых рамках с одновременной оценкой возможной трансформации предмета регулирования под влиянием социально-экономических тенденций. Изначальный акцент на саморегуляцию цифровой среды сместился на возрастающую роль корпоративных субъектов и государства в проектировании общественно полезных результатов, что наглядно демонстрируется в эволюции теории правового инструментаризма, юридико-праксеологического и юридико-антропологического подходов, использу-

ющих достижения социологической школы права. В российской юридической науке указанный спектр теоретического осмысления цифровых экосистем и платформ заменён на доминирование правового прагматизма и его специфического концептуального направления в виде сетевого подхода в праве.

Литература:

1. Аламова С.М. Цифровые технологии и правовой ландшафт в сфере интеллектуальной собственности // Юридическая наука. 2024. № 11. С. 121–128.
2. Yan D. Virtual Reality: Can We Ride Trademark Law to Surf Cyberspace // Fordham Intell. Prop. Media & Ent. LJ. 1999. Vol. 10. P. 769–785.
3. Bertol D. Designing digital space: an architect's guide to virtual reality. Hoboken: John Wiley & Sons, 1996. 356 p.
4. Rothchild J. Protecting the digital consumer: The limits of cyberspace utopianism // Ind. LJ. 1998. Vol. 74. P. 893–998.
5. Elkin-Koren N. Cyberlaw and social change: A democratic approach to copyright law in cyberspace // Cardozo Arts & Ent. LJ. 1996. Vol. 14. P. 215–231.
6. Lacey N. Normative reconstruction in socio-legal theory // Social & Legal Studies. 1996. Vol. 5. № 2. P. 131–157.
7. Howes D. E-legislation: Law-making in the digital age // McGill LJ. 2001. Vol. 47. P. 39–57.
8. Wall D. S., Johnstone J. The industrialization of legal practice and the rise of the new electric lawyer: The impact of information technology upon legal practice in the UK [1] // International Journal of the Sociology of Law. 1997. Vol. 25. № 2. P. 95–116.
9. Benkler Y. The battle over the institutional ecosystem in the digital environment // Communications of the ACM. 2001. Vol. 44. № 2. P. 84–90.
10. Selwyn N. Reconsidering political and popular understandings of the digital divide // New media & society. 2004. Vol. 6. № 3. P. 341–362.

11. Naik P. A., Raman K. Understanding the impact of synergy in multimedia communications // Journal of marketing research. 2003. Vol. 40. № 4. P. 375–388.
12. Benkler Y. The battle over the institutional ecosystem in the digital environment // Communications of the ACM. 2001. Vol. 44. № 2. P. 84–90.
13. Martin A. Digital literacy and the “digital society” // Digital literacies: Concepts, policies and practices. 2008. Vol. 30. № 151. P. 1029–1055.
14. Loveluck B. The many shades of digital vigilantism. A typology of online self-justice // Global Crime. 2020. Vol. 21. № 3-4. P. 213–241.
15. Marsden C., Meyer T., Brown I. Platform values and democratic elections: How can the law regulate digital disinformation? // Computer law & security review. 2020. Vol. 36. P. 105–373.
16. Rim A. Obligations in the Digital Environment: Legal Doctrine // Legal Issues in the digital Age. 2024. № 3. P. 4–30.
17. Tsindeliani I. A. et al. Digital transformation of the banking system in the context of sustainable development // Journal of Money Laundering Control. 2022. Vol. 25. № 1. P. 165–180.

Development of Theoretical Approaches to Regulation of Digital Ecosystems and Platforms in Foreign Legal Science

Korotenko A.F.
University of Management «TISBI» (Kazan)

In article, the author examined the trends in the development of legal theory in foreign studies on digital ecosystems and platforms. These are relatively new objects of legal regulation. The author focused on the comparison of the realistic and sociological concepts of legal understanding. In particular, they differ in the order of formation of legal regulators in the digital environment. As a result, the author notes a fragmentary understanding of these terms due to their complexity and technological diversity, built on elements of self-regulation. The main methods of scientific research were comparative and formal-logical methods. The author also used some methodological directions of the sociological school of law in civilistics (instrumentalism, anthropological approach, praxeological theory). Together, these methods contributed to the identification of the features of the development of foreign scientific thought. The author believes that the conclusion that the initial emphasis on self-regulation of the digital environment has been replaced by an increasing role of corporate and state regulation in achieving only socially useful results is justified. This is confirmed by the evolution of the theory of legal instrumentalism, legal-praxeological and legal-anthropological approaches.

Key words: theory of law, civilistics, philosophy of law, digital ecosystem, digital platform, digital law, digital legal relations

